

Михаил Волконский

ВЯЗНИКОВСКИЙ
САМОДУР

Москва, 2018

УДК 82-31

ББК 83.3(2Рос=Рус)

В67

Волконский, М.

В67 Вязниковский самодур / М. Волконский. – М.: T8RUGRAM, 2018. – 158 с.

ISBN 978-5-521-06399-4

Михаил Николаевич Волконский (1860–1917) – русский писатель и драматург, получивший признание благодаря своим историческим и пародийным произведениям.

В основе «Вязниковского самодура» лежит «неофициальная история» России XVIII века, состоящая из тайн и загадок. Главные герои – крепостная актриса Маша и безумно влюблённый в неё молодой человек Гурлов, имеющий влияние в обществе. Но всем ли приносит счастье запретная любовь и как именно переплетаются человеческие судьбы с судьбой России?

УДК 82-31

ББК 83.3(2Рос=Рус)

BIC FC

BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

I	5
II	8
III.....	11
IV	15
V	19
VI	23
VII.....	27
VIII.....	30
IX.....	34
X.....	38
XI.....	42
XII.....	46
XIII.....	49
XIV.....	52
XV.....	55
XVI.....	59
XVII.....	62
XVIII.....	66
XIX	70
XX.....	74

Михаил ВОЛКОНСКИЙ

XXI	78
XXII	82
XXIII	86
XXIV	90
XXV	94
XXVI	98
XXVII	102
XXVIII.....	105
XXIX.....	109
XXX.....	113
XXXI.....	117
XXXII.....	121
XXXIII.....	124
XXXIV.....	129
XXXV.....	134
XXXVI.....	139
XXXVII.....	144
XXXVIII.....	148
XXXIX.....	151
XL	156

I

Князь Гурий Львович Каравай-Батынский, бывший при государыне Екатерине «в случае», но недолго, награжденный богатыми имениями, проживал в добровольной ссылке в своем родовом поместье — Вязниках. Вкусив от опьяняющего зелья власти, он не захотел, не удержав своего достоинства, вернуться вновь в ряды обыкновенных царедворцев и, уехав в свои Вязники, поселился там, как говорил он, навсегда.

Вязниковский дом отстроил он заново по планам Растrellli, сделал из него дворец, окружил огромным парком, собрал вокруг себя мелкопоместных дворян и создал себе из них нечто вроде придворного штата. У него были два камергера, пять камер-юнкеров, один шталмейстер и целый полк камер-лакеев, гоф-фурьеров и арапов, в которых, за неимением настоящих, он красил крепостных Филек и Прошек.

Для гостей существовал целый флигель, и всякий, кто желал, мог пожаловать на даровые хлеба к расточительному князю. Впрочем, говорили, что его богатство таково, что невозможно прожить его одному человеку. Многие жили во флигеле недели по три, не представляясь хозяину из боязни обеспокоить его или, главное, не понравиться ему.

Балы, роскошные пиры, спектакли собственной балетной и драматической труппы, охоты, рыбные ловли и пикники с потешными огнями и хитрыми иллюминациями не прекращались в Вязниках.

Иногда, хотя это и редко бывало, князь Гурий Львович в самый разгар какого-нибудь празднества вдруг вставал

Михаил ВОЛКОНСКИЙ

с золоченого кресла, в котором имел обыкновение сиживать, и громким голосом кричал во всю мочь:

— Убирайтесь вы все вон!.. Надоели!..

Тогда гости вперегонку разбегались — никто не желал остаться последним. По обычаю князя последнего обливали тут же в зале, будь то кавалер или дама, ушатом воды. Разбежавшись, гости спешили по домам.

Проходило некоторое время, отыхал князь, как говорил он, от суеты мира и светского шума в кругу своих преданных рабов и рабынь — и снова во все стороны летели гонцы собирать гостей к княжескому столу. И гости находились, съезжались, наполнялся флигель, и опять начиналась прежняя шумная жизнь в Вязниках.

От Вязников жалованные поместья князя тянулись почти на полторы губернии без перерыва.

Дороги у него были как бархат и содержались в безу-коризненной исправности, но на всех въездах во владения Каравай-Батынского стояли рогатки и заставы, проехать через которые можно было только с особого разрешения самого князя. Надо было подать ему прошение об этом, выждать милостивой резолюции, и если таковая следовала, то тогда можно было ехать безвозвратно.

Недоразумений из-за этих рогаток происходило многое множество вследствие обширности княжеских земель, в силу чего число проезжих было большое. Однако исключений не делали ни для кого.

Раз проезжала важная персона из Петербурга, но и ее не захотели пропустить через заставу без дозволения князя. Она начала так браниться, что караульный оробел и поднял шлагбаум. Он оправдывался потом тем, что персона, по всей видимости, была очень важная, потому что

ВЯЗНИКОВСКИЙ САМОДУР

бранилась уж очень крепко. Однако, едва успела проехать коляска с персоной, выскоцил начальник караула из караульного дома и опустил шлагбаум как раз в то время, когда под ним проезжал тарантас с камердинером персоны. Шлагбаум удариł того по лбу, и так сильно, что беднягу подняли замертво.

Пока начались об этом дело и следствие, караульный мужик, поднявший шлагбаум проезжему, не имевшему княжеского пропуска, был привязан на три дня по приказанию князя к этому самому шлагбауму и, лишенный воды и пищи, должен был волей-неволей то подниматься на воздух, то опускаться, чтобы знал вперед, как быть послушником господской воли.

Для расследования по этому делу был нарочно прислан из Петербурга доверенный чиновник.

Получив об этом известие, князь разогнал немедленно всех гостей от себя и призадумался. Дело выходило нешуточное. Оно грозило серьезными последствиями.

В губернский город, куда уже прибыл чиновник, был послан от Каравай-Батынского уполномоченный, получивший приказание не скучиться на деньги. Петербургский чиновник не выдержал: взял предложенные ему пятьдесят тысяч рублей, отоспал их жене и детям, а сам застрелился.

II

Вскоре после этого случая, благодаря которому князь Гурий Львович окончательно перестал уже различать границы между самоуправством и самовластием, к рогатке на рубеже его имений подъехала тройка ямских лошадей. В тарантасе сидел не старый, но не молодой уже человек в военном сюртуке. Лицо у него было загорелое, сложение сильное, руки огромные. Роста он был высокого.

— Какой еще пропуск нужен, коли я еду с царским паспортом? — ответил он на требование от него особого пропускного княжеского листа и, выйдя из тарантаса, преспокойно оттолкнул сторожа, после чего с такою легкостью сорвал железную скобу, точно она была оловянная.

Сторож, тот самый мужичонка, что три дня болтался привязанный к шлагбауму, видя столь решительные действия со стороны проезжего, кинулся ему в ноги и стал молить, чтобы тот не губил его, что если проедет он через заставу силой, то несдобровать ему, бедному мужичонке.

Проезжий смилиостивился, улыбнулся и спросил только:

— Как же теперь быть?

— Позволь, батюшка, кормилицу милостивый, отвести тебя под конвоем в княжеский дом, — стал просить мужичонка. — Обиды тебе никакой не будет. Отведу тебя и сдам с рук на руки, честь честью, и вечно Бога молить стану...

— Ну, а конвоиром-то ты будешь? — снова улыбнулся проезжий.

Мужичонка приосанился.

— Я самый, милостивец!..

— Ну, веди, дурья голова! Посмотрим, что из этого выйдет...

Мужичонка опять поклонился ему в ноги и, выпрямившись, важно зашагал с дубинкой в виде оружия за огромным, коренастым, сильным человеком, способным, казалось, убрать одним махом десятерых таких, каков был он сам. Тройка поехала сзади шагом.

Князь, окруженный гостями, сидел на террасе, когда ему пришли доложить, что сторож Трофимка привел от заставы под конвоем проезжего, который желал послушаться его княжеской воли.

— Ну, ведите сюда этого слушника! — приказал князь. — Мы разберем это дело.

Огромная терраса с вычурными фигурными колоннами была завешена полотном с солнечной стороны. В тени сидел князь в золотом кресле, окруженный своими приспешниками. У кресла стояли дежурные камергер, камер-юнкер и секретарь, а сзади — огромный гайдук Иван, любимец князя, выходивший один на медведя с рогатиной. Пред князем на столике были цветы, вино в хрустальных кувшинах и фрукты. Гости держались в стороне, в отдалении. Сидели из них очень немногие; большинство садиться не смело.

От террасы вниз к реке шла широкая лестница уступами, с засаженными цветами площадками; по бокам лестница была украшена большими вазами, полными пахучих цветов. За рекою виднелись поля с полосою синего леса вдали.

Когда ввели арестованного Трофимкой «слушника», все — и князь, и гости — ахнули от удивления: каким образом лядаший мужичонка мог силой привести такого

Михаил ВОЛКОНСКИЙ

огромного человека? Но князь рассудил по-своему, поняв дело так, что проезжий приведен сюда не силой Трофимки, а страхом пред его, князя Каравай-Батынского, могуществом.

— Кто ты такой, что смел выказать намерение ослушаться моих приказаний? — спросил он, развалившись в кресле.

Проезжий осмотрелся кругом, как бы ища места, куда присесть, но, не найдя свободного стула, обратился к князю и ответил, явственно произнося каждое слово:

— Я — такой же, как и ты, дворянин, Александр Ильич Чаковнин, а вот когда мы с тобой на «ты» побратались, этого я не упомню хорошенько.

Между гостями произошло смятение. Дежурные камергер и камер-юнкер отступили шаг назад. Никто не подозревал, что можно разговаривать с князем так дерзко.

— Вот ты как отвечать умеешь! — проговорил Каравай-Батынский. — Ну, хорошо, голубчик, мы поучим тебя вежливости... Отведи-ка, Ваня, его в отдельную, пусть посидит на хлебе и воде!.. Это нрав злостный укрощает, говорят! — и князь, чтобы успокоить свое сердце, отпил из хрустального бокала большой глоток вина.